

Аллюзия

Часто можно услышать или прочесть, что, например, в басне Крылова «Волк на псарне» под Волком подразумевается Наполеон. На иллюстрации Г. Нарбута Волк даже изображен с наполеоновской треуголкой, а ловчому приданы черты сходства с Кутузовым. Однако если бы смысл басни к этому и сводился, перед нами была бы простая аллегория. Тогда, не зная о Наполеоне, мы просто не смогли бы прочесть эту басню. Но «Волк на псарне», как и всякая басня, имеет обобщенно-нравственный смысл и лишь намекает на события Отечественной войны 1812 года. Такой намек называется аллюзией (от лат. *allusio* — шутка, намек).

В первой главе романа «Евгений Онегин» Пушкин намекает на свою ссылку, маскируя это бытовым тоном так, как будто ведется разговор о здоровье: «Но вреден север для меня». Эта аллюзия однопланова: речь идет о ссылке, и только о ней. Чаще, однако, аллюзия соединяет два разных смысла. Когда в «Борисе Годунове» царь говорит: «Противен мне род Пушкиных мятежный» — это относится и к событиям «смутного времени», и к судьбе самого поэта, к событиям XIX века.

Аллюзии часто носят политический характер, когда при помощи намека указывается на то, что по цензурным условиям нельзя высказать прямо. Порою они складываются в целый язык (см. Эзоповский язык). Однако к этому роль аллюзии как литературного приема не сводится. При помощи тонких намеков ведется литературная полемика, иногда же таким способом маскируются обстоятельства личной жизни автора. Так, согласно гипотезе Ю. Тынянова, в ряде стихов Пушкина «зашифрована» его «утаенная любовь» к Е.А. Карамзиной. Адрес Татьяны в седьмой главе «Евгения Онегина» («У Харитонья в переулке») содержит автобиографическую аллюзию — это адрес самого Пушкина в годы детства.

Большую роль играют аллюзии в исторических романах и драмах, когда изображаемая историческая ситуация соотносится с ситуацией современной. Это особенно характерно для освоения античных сюжетов драматургами классицизма.

Аллюзии нередко присутствуют в произведениях на исторические темы. Так, трагедия классицизма, черпавшая сюжеты из античности («Сид» Корнеля, «Федра» Расина и др.), всегда была сориентирована на то, что зритель воспримет эти сюжеты как современные. Эта особенность во многом характерна и для зарубежной драмы XX века. (исторические пьесы Б. Шоу и др.)

Аллюзии на литературные произведения относятся к области реминисценции. Однако аллюзия может быть одновременно и литературной, и политической. В стихотворении Лермонтова «Умиравший гладиатор» при описании толпы зрителей появляются слова «надменный временщик». Они повторяют начало сатиры Рылеева «К временщику», то есть представляют собой аллюзию литературную. В то же время цитата из стихов казненного декабриста — это, несомненно, и политический намек.